

12+

Алёна Левашова-Черникова

В глубь октября

Алёна Левашова-Черникова

В глубь октября

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54032127

SelfPub; 2020

Аннотация

В один унылый октябрьский день Левия бросает всё и уезжает в заброшенный дом своего дяди. Загадочная деревня в преддверии мистического Хэллоуина не раз заставит мурашки пробежать по ее коже, но именно здесь Левия обретет себя и в канун дня Всех святых встретит очаровательных незнакомцев, которые навсегда изменят ее жизнь.

Содержание

*«Если я пойду и долиною смертной тени,
не убоюсь зла,
потому что Ты со мной»
Псалтырь 22:4*

Дорога была холодной и по-настоящему унылой – как и полагалось середине октября. Левия¹ вела машину аккуратно и даже лениво – торопиться было некуда. В ее голове мысли о работе уже уступали планам на странные каникулы, которые она сама себе устроила. После лета на Левию всегда сваливалась тяжелейшая хандра – в ней каждый раз что-то умирало, осыпалось вместе с листьями и засыпало каким-то неживым сном под слоем колючего снега. Поэтому в этот раз она почувствовала, что больше не выносит этого внутреннего напряжения, взяла отпуск за свой счет и уехала в давно заброшенный дом дяди.

Деревенька, в которой располагался домик, была маленькой и убогой по сравнению с соседним поселком, но ее обособленность стоила дороже всех современных домов и буржуазных удобств. В этой деревне уже много лет проходит осенний фестиваль, посвященный Хэллоуину – с 29 по 31 октября. Местные всегда устраивали вечерние развлечения с едой и напитками, продавали тыквы и красные, румяные яблочки в плетеных корзинах. Все вокруг было украшено убоженькими декорациями, сделанными руками местных

¹ Женский вариант библейского имени Левий

жителей, а дороги были сплошь устланы опавшими листьями. Воздух пах пряностями и свежей тыквой. Теперь рядом с этой деревенькой вырос коттеджный поселок с кофейнями и маленькими кафе, и праздник Хэллоуина перенесли туда, но проводился он по-прежнему силами деревенских. Осенний фестиваль растерял свою самобытность, тепло и непосредственность, зато стал привлекать приезжих.

Теперь с 29 по 31 октября дороги были украшены огоньками и пугалами, марлевыми привидениями и фонарями из тыкв. В воздухе висели ароматы кофе, пунша и праздничной выпечки. Несмотря на непроглядную октябрьскую ночь от праздничной иллюминации было светло, а люди смеялись и болтали у многочисленных ларьков с хэллоуинскими напитками и сладостям, в воздухе витал аромат тыквенного пирога – осенний фестиваль приобрел гламурный привкус.

Дорога казалась Левии бесконечной, впереди ее ждала – самое малое, целая ночь уборки, но она все ехала и ехала, а старая деревня все никак не появлялась. Добралась Левия поздно ночью – оказалось, что она сделала огромный крюк, и вместо положенного получаса провела в дороге полтора. Въезд в деревню был туманным и безжизненным, слева на холме виднелось кладбище, и по пути к нему дома встречались все реже и реже.

Левия зашла в пустой, холодный дом. В ночи был слышен лишь стук каблучков по деревянному полу. Она отправила родителям сообщение, что доехала и отключила телефон – она

приехала за тишиной.

Объем работы несказанно пугал, но Левия налила бокал вина и взялась за дело. В доме была всего одна комната с камином, маленькая кухонька и ванная, поэтому к утру все было убрано, но девушка не помнила себя от усталости и уснула прямо в одежде.

Утром Левия приняла душ, наскоро позавтракала и стала раскладывать новые, купленные в «Икее» покрывала и подушки, шторы, ароматные свечи в больших стеклянных банках – с ароматом корицы и тыквы. В ванной развесила пушистые полотенца, расставила нежные кремы, разложила упругие ворсистые ковры и повесила белоснежный махровый халат.

Домик оживал на глазах. Девушка огляделась вокруг – дом был похож на коробочку с потрескивающими поленьями в камине – такую коробочку, которую она представляла себе с детства, когда чувствовала себя одинокой и незащищенной. Время шло, Левии было 30, но эта виртуальная коробка была все еще нужна. И сейчас эта коробочка стала реальной.

Последний штрих, который превратил этот заброшенный домишко в настоящий второй дом – это маленькая итальянская кофемашина с капучинатором, приобретенная специально по этому случаю. Рядом нашел свое пристанище огромный киллограммовый мешок кофейных зерен – ароматных и теплых.

В теле все еще была невероятная усталость, тело ныло, зато все было сделано. Теперь официально.

– Слава богу, что это домишко с одной комнатой, а то одной бы мне пришлось туго, – подумала Левия.

Несмотря на то, что дом был маленький, комната была просторной, даже большой. Еще более уютным домик делало крыльцо с маленькой терраской, которая теперь была обустроена дешевеньким икеевским раскладным стульчиком и украшена огоньками и уютно шуршащими на ветру сухими листьями – на этой террасе Левия планировала наслаждаться капучино из новой кофемашины.

– Если бы дядя увидел, во что я превратила эту лачугу, то он снова бы захотел бывать здесь, – с гордостью подумала Левия.

За окном завывал ветер, листья бились об окна, где-то вдалеке раздавался лай большого, охрипшего пса.

–Погода не летная, – подумала Левия.

Откинувшись на спинку дивана, она начала рассматривать комнату, нашла взглядом небольшую книжную полку, на которой она увидела романы Хемингуэя и Фицджеральда. Настроение не располагало к чтению, поэтому Левия мысленно унеслась в пространные размышления, которые так часто занимали ее уставшее сознание:

– Поколение Фицджеральда и Хемингуэя называют потерянными, но разве эти талантливые люди, ярчайшие символы своей эпохи были потерянными? Нет, потерянное поколение

– это мы, блеклые и бессмысленные, одной ногой стоящие на гнилой доске прошлого, а другой – на пенопласте настоящего, и все о чем мы можем думать, это как бы эти доски не разъехались, и нас не поглотила бездна неприкаянности, – Левия устало выдохнула и провела руками по лицу, чтобы согнать декадентское настроение. Она взяла мобильный телефон, с намерением прочитать новости и, может быть, ответить на сообщения. Новостная лента оповещала, что *певица Арбузова впервые снялась в клипе полностью одетой*. Дальше Левия даже не стала читать и выключила телефон, так и не увидев уведомления от друзей о наращивании ресниц, открытии новой кальянной и фотосессии у модного фотографа.

–Нет, это все не для меня, – подумала Левия и без сожаления отбросила мобильный на край дивана.

С каждым днем Левия все глубже погружалась в октябрь. Лица из ее мирской жизни теряли четкость, голоса становились тише, а все, что с ними было связано, постепенно теряло значение.

29 октября

Уже стемнело, когда Левия сидела на крыльце с пустой кофейной чашкой – она собралась на осеннюю ярмарку, но до нее нужно было идти по пустой и темной дороге, слабо освещенной только фонарями-тыквами и глазами марлевых

привидений, которые безжизненно покачивались на ветру. В домах уже редко горел свет – все либо спали, либо ушли на праздник, но на кладбищенском холме все еще различались кресты на фоне синеющего неба, поэтому на главной деревенской дороге было по-октябрьски темно и зябко. Левия собиралась с духом, чтобы в одиночестве преодолеть эту туманную ночную дорогу. Нет, она не была трусихой, и пустая городская дорога ее не пугала, но темная безлюдная деревня все же заставляла мурашки бежать по ее коже.

Вдруг к ногам Левии из темноты выбежал маленький черный пес, он громко тьявкал и что-то закапывал коротенькими задними лапками.

– Морфей! Морфей! А ну иди сюда, кому сказал..!

За псом из ночного тумана появился его хозяин – парень лет тридцати.

– Морфей, прекрати немедленно! Простите, он не слишком воспитанный пес.

– Ничего, с ним тут стало намного веселее. А то тишина просто кладбищенская.

– Да, верно все ушли на праздник. Сегодня открытие осеннего фестиваля, – парень оглядел фасад дома. – Вы же приезжая?

– Да, я не местная.

– И вы не идете на праздник?

– Иду, как раз собиралась выходить. А вы туда идете?

– Да, мы с Морфеем всегда посещаем фестиваль. Этот

маленький засранец обожает засахаренную тыкву, – парень присел на корточки и с любовью потрепал пса по ушам.

– Вы не против, если я присоединюсь к вам с Морфеем? По крайней мере, на пути туда, а то больно дорога темная, мне, если честно, не по себе, – смущенно сказала Левия, еле заметно водя носом ботинка по прелой листве.

– Напротив, втроем веселее. Да, Морфей? – но маленький пес проигнорировал вопрос хозяина и побежал к дороге – ему не терпелось присоединиться к празднику. – Кстати, я – Алеф².

– Я – Левия, – в ответ Алеф еле заметно кивнул и улыбнулся краешком губ, направляясь к дороге.

Под ногами влажно шелестела листва. На улице стояла такая тишина, то было слышно, как покачиваются марлевые привидения вдоль дороги, а за ними дремал непроглядный черный лес.

Левия утонула подбородком в воротник свитера. Она не была мастерицей непринужденной беседы, поэтому между редкими фразами осматривала своего спутника: во внешности его не было ничего примечательного. Среднее телосложение, рост немного выше среднего, темные волосы. Только его глаза были несколько велики для его лица и придавали ему усталый вид. Но эта особенность только больше располагала Левию – Алеф, на первый взгляд, не казался глупым – у него было лицо думающего человека.

² Мужское имя, первая буква еврейского алфавита

Одет он был лаконично и просто – просторная джинсовая куртка, клетчатый теплый джемпер и джинсы.

– Какие крутые у него кроссовки, – подумала Левия, – похожи на мои мои олдскульные Рибок, только круче.

Казалось, что ее новый знакомый совсем не пытался произвести впечатление, выглядел он как-то хоть и скромно, но при этом естественно и непринужденно – присутствие незнакомки его не напрягало.

Морфей бежал впереди и сверкал подушечками пяток. Алеф и Левия постепенно, вопрос за вопросом, реплика за репликой, незначительность за незначительностью, узнавали друг друга, приближаясь к красно-оранжевым огням фестиваля. Они вошли за низкие ворота, которые отделяли старую деревню от нового поселка: красивые кирпичные домики словно перенеслись из американского фильма, идеальные лужайки были украшены тыквенными композициями, везде рядами стояли яркие праздничные палатки с напитками и едой. Территория коттеджного поселка горела всеми огнями, утопала в смехе и болтовне людей, под ногами сновали наряженные питомцы, валялось конфетти, пахло корицей и свежей тыквой. Алеф и Левия аккуратно пробирались через кучки людей к засахаренной тыкве и кофе. Выйдя из эпицентра праздничной сутолоки с бумажными пакетами в руках, в которых лежали теплые, оранжевые кусочки в сахарной пудре, и капучино, который приятно согревал на ночном холоде, они направились подальше от суеты и толкучки.

Морфей нетерпеливо семенил на задних лапках в ожидании кусочка тыквы. Выйдя из толпы, Левия и Алеф устроились у старого грузовика, украшенного сеном и тыквами для праздника. Под длинной мордочкой Морфея брусочки тыквы исчезали в мгновение, и Алеф успел съесть только пару кусочков, не в силах отказать маленькому другу – пес трагично провожал каждый кусок, который Алеф собирался отправить в рот.

Когда с десертом было покончено, Алеф спросил:

– Левия, а ты одна сюда приехала?

– Да, я в отпуске. Не совсем запланированном.

– Что-то случилось?

– Жизнь случилась. Я просто немного устала. Решила уехать подальше от города. Это дом моего дяди, но туда много лет никто не приезжал. Так что пришлось изрядно попотеть, чтобы навести порядок и довести этот сараюшко до ума, прежде чем проводить в нем каникулы. Вот так. А ты здесь живешь?

– Нет, не совсем. Здесь я тоже только бываю, но не слишком часто. Хотя здесь мой дом.

– Понятно, – Левия подумала про себя, каково это быть деревенским, но жить в городе. Алеф выглядел горожанином, ясно, что много времени в родной деревне он не проводит уже давно.

Сказать было нечего, ночь была так хороша и идиллична, что через ее сказочность с трудом пробивались слова. С Але-

фом Левию было легко молчать – этому незнакомцу она ничего не была должна, ничего не ждала от него. Но когда пауза немного затягивалась, Алеф смотрел на Левию и улыбался краешком губ – дружественный и понимающий жест, который делал каждую неловкость естественной и непринужденной.

Наблюдать за веселящимися людьми было весело и приятно в тот вечер. Мягкий вкус сезонного кофе согревал беседу, которая к утру становилась все более активной и непосредственной. Ночью все разговоры идут легче. В пятом часу утра они были уставшие и сонные, поэтому с жалостью поднялись и пошли домой. Морфей же не терял активности – маленький пес все также энергично петлял впереди, вода блестящей пипкой носа по пыльной дороге, отчего постоянно чихал и похрюкивал. Предраассветная осенняя дорога наполнилась звуками дикой природы – от скорбных стонов ночных птиц, до таинственного шороха холодной земли.

Алеф остановился у дома Левию, прощаться совсем не хотелось, но впереди был второй день фестиваля, перед которым нужно было отдохнуть и выспаться – вечеринки выматывают.

В момент неловкого расставаясь, какое бывает у малознакомых людей, Алеф вдруг замялся, подбирая слова. В этот момент Левию не могла оторвать взгляда от его ресниц – длинных и темных, как бахрома на платке у гадалки.

– Ты завтра пойдешь на второй день праздника? – наконец

спросил Алеф.

– Да, а вы с Морфеем?

– Конечно, мы здесь только для этого. Нам зайти за тобой? А то дорога завтра будет такой же темной, как и сегодня, может даже темнее, – Алеф снова слабо улыбнулся и слегка пожал плечами.

– Конечно, зайти. С вами мне намного веселее. Одной как-то странно будет бродить по ярмарке, где все веселятся и пьют пунш.

– Тогда до завтра.?

– До завтра.

Уходя, Алеф не просил писать ему в популярных мессенджерах, а о деталях встречи договорился на месте, и Левия почему-то была уверена, что он придет, и ей не нужен его телефон, чтобы уточнять что либо. В простоте и точности его фраз было что-то непоколебимое, неподдающееся сомнению. Смотря в спину уходящего парня, Левия вдруг осознала, что всю ночь он ни разу не держал в руках мобильный телефон, ничего не фотографировал и ни разу не посмотрел на Левию оценивающе, не рассматривал ее, заставляя девушку чувствовать неловкость за кроссовки и потертые джинсы.

Алеф удалялся в темноте туманной дороги – близился рассвет, воздух стал влажным и мутным от вибрирующих в невесомости капель воды. Несмотря на холод, Левия стояла на крыльце дома до тех пор, пока парень еще раз не повернулся, чтобы махнуть девушке на прощание, и совсем исчез.

нуть в молочной дымке вместе со своим псом.

30 октября

Проснулась Левия только к обеду. Впервые за многие годы пробуждение не было отягощено ни переживаниями о будущем, ни сожалениями о прошлом, ни тягостными встречами и неинтересной работой – оставался осадок, призрак другой жизни, к которой ей придется вернуться, но отторжение притуплялось. Даже обычное уныние от житейской суетности и рутины сегодня отступили. Но принять свою реальность она пока все равно не могла. Ответов и решений по-прежнему не было.

Левия проснулась неожиданно легко, немного полежала в свежей, еще хрусткой постели, потом встала, приняла душ и в уже ставшем любимом халате позавтракала, предвкушая чашку ароматного кофе. Ей не терпелось нажать на гладкую кнопку новенькой кофемашины и наслаждаться горячей струйкой черного бразильского золота. Потом добавить стакан теплого молока с пенкой и уткнуться взглядом в беззаботное лавирование осенних листьев над пустынной дорогой. Всего лишь через несколько часов снова зажжется праздничная иллюминация, и день опять перейдет в огненную, бесноватую ночь. А сейчас был день, и тени ночи не были властны над мыслями Левии. Она прислонилась лбом к деревянной оконной раме – ощущение дерева, натурального

камня или теплой земли всегда успокаивали ее, возвращали к каким-то неизвестным ей древним истокам.

Настал второй день фестиваля. Левия уже ждала, когда раздастся звонкий лай Морфея, а за ним будет медленным шагом идти Алеф. Она уже обдумывала, о чем его сегодня спросит, какие вопросы ему задаст. Ей так хотелось расспросить его обо всем, что ее беспокоило, попытаться с его помощью полюбить мир, в котором живет, понять свое время, проникнуться его проблемами. Левия почему-то была уверена, что именно Алеф способен на это, что он способен разрубить узел неприкаянности внутри нее. От парня исходило спокойствие и непоколебимость, в нем было что-то очень знакомое, похожее на любимую детскую игрушку или дорогой сердцу потертый свитер.

До праздничной вечеринки было еще несколько часов, нетерпение покалывало во всех конечностях, но Левия решила не поддаваться волнительному мандражу, а побыть здесь и сейчас. Кофейный аромат щекотал ноздри, гладкий, толстый фарфор кружки приятно грел руки, сухая, упругая шершавость халата давала чувство покоя. Левия оглядела просторную, чистую комнату – все было на своем месте, обилие грубого дерева только пошло на пользу минималистичному, даже аскетичному, но уютному интерьеру.

– Дерево и «Икея», что может быть лучше? Как домик с разворота Kinfolk, – Левия грустно усмехнулась своей почти святотатственной в этих условиях мысли, – Как можно хо-

теть уйти от реалий современности, сбежать в глушь, а потом радоваться сходству своего нового обиталища с модным американским журналом – библией инстаграмеров? Успели и меня укусить, видимо.

Уже совсем стемнело, когда Левия отложила книгу и стала одеваться. Приятное томление разливалось по телу, казалось, что вечер должен был стать особенным, хотя на это рассчитывать у нее не было особых причин. Просто со вчерашнего дня ее не покидало странное чувство отчужденности, независимости от обстоятельств – Левия словно избавилась от страха быть спокойной и счастливой, и не ждать подвоха или разочарования.

Как и вчера Левия села на террасу с чашкой кофе. Часы на руке пикнули десять и на туманной ночной дороге стали проявляться фигура человека и маленького черного пса.

Под ногами снова похрустывала листва, дорога была по-прежнему темна или еще темнее, чем вчера. Алеф спрашивал Левию прошедшем дне, о том, чем она обычно занимается здесь одна.

– Читаю книгу, пью кофе, смотрю в окно. Ничего не делаю. Я не хочу здесь тратить время на дела. Я здесь для другого. Я ведь даже мобильный выключила. Одни раз включала его здесь, чтобы проверить новости, но мир оказался прежним и я снова его выключила.

– А друзья тебя не потеряют?

– Мне все равно, если честно. Не могу сказать, что чув-

ствую, что у меня есть друзья. Знакомые – да. Но я бы в любой момент поменяла их на что-то мне более близкое. Дело, вероятно, не в них, а во мне, но привязанности я к ним не чувствую.

– Почему?

– Ты задаешь слишком много вопросов, – с улыбкой ответила Левия. – Я не знаю, я бы и сама хотела знать почему. Но, когда я нахожусь с ними в одной компании, я смотрю сквозь них, а не на них. Я задаю вопросы, потому что должна их задать, а не потому, что хочу знать на них ответы. Это взаимно, но меня и это не беспокоит.

– Столько людей можно было бы спасти, если бы кто-то в нужный момент задал правильный вопрос.

– Сегодня никто не задает вопросов, всем интереснее говорить о себе. Жизнь кричит эгоцентризмом. Все эти социальные сети, которые поглотили мир, каждая страница пышет агрессивной формой жажды внимания, хотя большинству владельцев страниц нечего о себе сказать. Одна удачная фотография делает самого никчемного человека королем жизни на пару часов. Но его никчемности это не уменьшает.

– Да, если у тебя перо в заднице, то еще это не значит, что ты павлин ³, – Алеф засунул руки в карманы джинсов и устало посмотрел на дорогу.

– Все обмельчало, опустошилось, при этом стало претен-

³ Цитата из романа Чака Паланика «Бойцовский клуб», 1996

циозным и вульгарным. Пустая коробка громко гремит. Мир стал похожим на пародию на самого себя. Мы живем в плоском, одномерном мире – мы не существуем, если наших фото нет в Инстаграм. Люди ведут прямую трансляцию своей жизни, потому что у всех одна задача – выговориться перед концом, оголиться и морально, и физически, урвать свою минуту славы.

Тошнота, пресыщенность подкатила к горлу Левию, лицо ее приобрело выражение человека, который пытается проглотить горькую пилюлю, поэтому она отвернулась в сторону, чтобы Алеф не видел ее гримасы.

– Эй, ты чего..? – Алеф мягко тронул рукав крутки Левию и попытался заглянуть ей в лицо. Брови его в этот момент стали домиком, а в глазах запрыгали оранжевые огоньки беспокойства и участия, – Мир не переделать, но надо попытаться найти тех, с кем можно переждать жизнь.

После этих слов Левию сглотнула, чтобы подавить в себе слезы и повернулась к Алефу:

– Это трудно, у меня пока не получилось.

Алеф не знал, что ответить и словно ища помощи извне, он пытался взглядом найти Морфея, который обнюхивал траву вдоль дороги. Алеф подозвал пса, присел на корточки и поставил Морфея на задние лапки, как ребенка:

– Пока у тебя есть мы. А ты есть у нас. В этом унылом октябре не у многих есть и это, – Алеф снизу посмотрел на Левию. Лицо у парня было грустным и извиняющимся, как

будто на нем тоже лежала вина за то, что жизнь стала такой, какой она стала.

– Это очень много. Я на такое и не рассчитывала. Спасибо вам. Что бы не произошло с нами всеми дальше, я всегда буду благодарна вам обоим за то, что уже было, – когда Левия договорила, Алеф протянул собачью пяточку к руке Левию, она дала Морфею «пять» и все трое снова зашагали на красно-фиолетовые огни праздника.

Праздник осени сгущался, людей становилось все больше и больше, музыка звучала громче, веселье становилось все более сумасшедшим. Алеф и Левия снова пробирались через толпу за засахаренной тыквой и кофе. Теперь уже было куплено три пакета сладкой тыквы – для всех троих. Морфей, радостный обладатель своей собственной порции праздничного яства, бегал кругами и водил носом по земле, его воодушевление передавалось и ребятам – маленький пес казался абсолютно счастливым. Когда они отошли в сторону от шума, заиграла песня Пола Маккартни «Nore of Deliverance», что привело их в какое—то особое расположение духа – громкая, навязчивая музыка вдруг сменилась мягким, гармоничным ритмом устаревшего хита.

Весь вечер Алеф расспрашивал Левию обо всем – вопросы были самыми разными, они вытекали один из другого, приобретая разные оттенки – от напряженной озабоченности, до участия и любопытства. Девушка была уверена, что большую часть из них ей никто никогда не задавал, оттого

было так интересно на них отвечать. Разговор с Алефом был похож на беседу с психологом, вопрос за вопросом, фраза за фразой, в ней распутывался какой-то колючий клубок. Проблемы не исчезали, но они переставали иметь для нее значение. Однако, вместе с этим, с каждый вопросом парня ее жизнь отдалялась от нее все больше. Теперь в ней росло чувство, что она должна пойти за чем-то другим, за чем-то, что никак не связано с тем, что было до.

– Теперь моя очередь задавать тебе вопросы, Алеф, – чуть повеселев, сказала Левия.

Левия сыпала вопросами – один за другим они сами соскакивали с языка. Алеф был человеком немногословным, поэтому девушка только успевала задавать следующий. Она чувствовала, что должна успеть рассказать и спросить его обо всем, словно это могло стереть нежелание возвращаться в реальную жизнь, примирить ее с действительностью.

Вернулась домой Левия уже утром. Дорога до дома стала еще непрогляднее, чем вчера, глаза тыкв-фонарей пристальной всматривались в двух одиноких людей, а стоны ночных птиц все отчаянней вклинивались в их разговор. Левия снова проводила взглядом фигуру Алефа и маленького пса до самого последнего мгновения, когда парень еще раз повернется и исчезнет в тумане до следующего вечера.

Левия, несмотря на усталость, никак не могла заснуть. Она налила себе бокал вина и села на полу рядом с камином – огонь стрекотал и подпрыгивал, маленькие искорки разле-

тались в разные стороны. Девушка не могла понять, что было особенного в парне с собакой, в его ответах на ее вопросы. Уставившись на огонь, она просидела так два часа, пока не поняла, что отвечая на вопросы, Алеф по-прежнему говорил о ней, а не о себе. Отвечал на ее вопросы, а не на вопросы о нем. Это было очень особенное чувство, похожее на плед, накинутый на плечи в самый трескучий мороз.

В то октябрьское утро Левия еще долго думала о своем новом знакомом, который так гармонично вписался в ее маленький, только что приобретенный мир. Каждое его слово как-то по-особенному ложилось на ее жизнь – без борьбы, без болезненного осмысления, без внутреннего протеста. Печалило только одно, как бы ни разворачивались события дальше, с ним будет грустно расставаться, а с собой едва знакомого парня не заберешь. Но Левия не могла точно сказать хочет она этого или нет – ей казалось, что ее окружение, ее реальность, запачкают парня, что он не впишется в ее жизнь, не приживется в ней. И Левию пугала уверенность в том, что, если бы ее поставили перед выбором – не увидеть Алефа больше никогда или обменять его на всю ее жизнь, она бы не раздумывая, согласилась отдать все. Но тогда какова ценность ее жизни, если она готова отдать ее за незнакомого человека?

31 октября

31 октября наступило отчаянно внезапно. На часах было два часа дня, когда сонная Левия, закутавшись в халат, поплелась в ванную:

– Мне нужен горячий душ, иначе не выжить, – подумала девушка.

Тоска скреблась на душе, ее маленькие каникулы неумолимо подходили к концу – второго ноября она будет уже дома. Но дома ли? И есть ли у нее вообще дом. К кому она возвращается? На чьи звонки и сообщения станет снова отвечать? И станет ли? Ни на один вопрос у Левии не было ответа.

Сегодня предстояла третья ночь фестиваля – самая таинственная и загадочная – Канун Дня Всех Святых, две других были лишь для разогрева. За окном уже сновали люди в костюмах, а пустая дорога выглядела гораздо более оживленной. К ночи это хэллоуинское помешательство обещало только усилиться. Как бы Левия ни любила этот праздник октября, но в этот раз ей не было дела ни до тыквенного пирога, ни до карнавального костюма – все, о чем она могла думать, это о парне с маленьким черным псом.

Праздничная вечеринка 31 октября начиналась раньше, чем обычно – в шесть уже все собирались на празднование Хэллоуина.

– Чем раньше начнется праздник, тем больше времени мы проведем вместе, – подумала Левия, расчесывая мокрые волосы, – Даже, если придется лечь спать в шесть утра или не

спать вообще.

Деревенская дорога до поселка в ночь 31 октября была расцвечена всеми огнями – желтый, красный, оранжевый, фиолетовый. Даже в пурпурном небе танцевал красочный карнавал. Люди веселой, почти сумасшедшей вереницей стекались к маленькому волшебному городку, которым стал коттеджный поселок на эту последнюю, третью ночь, праздника.

Всю дорогу Алеф очень внимательно смотрел на Левию. Возможно, хотел запомнить ее и этот вечер, перед возвращением в город, возможно, хотел спросить или сказать что-то, что его беспокоило. Левия замечала это, но так и не смогла спросить, что происходит – было невыносимо грустно сказать вслух то, что подтверждало бы, что все подходит к концу. Она тоже все время смотрела на парня и не боялась показаться странной. Ей не было неловко от того, что она так пристально на него смотрит – в последний вечер можно все.

В воздухе летало конфетти и бумажные спиральки, все блестело и сверкало, как в волшебном мире, тыквы, выращенные на огородах обычных людей, сегодня были по-настоящему везде и всюду. В центре стояла огромная тыква – царица праздника, прямо перед ней полыхал огромный костер, а фиолетовая, густая ночь змеей обвивала всё вокруг.

– Так странно и даже неприятно осознавать, что все для праздника вырастили бедняки из деревни, а праздник здесь – в пафосном коттеджном поселке, – поежившись, сказала

Левия.

– Да, и в нашем случае эта грань трагикомично четкая – низкий, деревянный забор. Цинично, но очень жизненно.

В ночь 31 октября праздничное неистовство достигло своего безумного апогея – взрывались петарды и летели феерверки, пунш лился рекой, и к десяти часам толпа в костюмах привидений и мумий была уже инфернальном экстазе. А вокруг все по-прежнему невинно пахло свежей тыквой, сладкой выпечкой и кофе.

Алеф и Левия как обычно сели в тихий уголок у нарядного грузовичка, откуда открывался вид на праздник. Морфей уплетал пирожок, гоняя его длинным носом по газону, а между ребятами устроился бумажный пакет с булочками с корицей и два огромных тыквенных латте. Сегодня у этой уютной, праздничной еды был жгучий привкус расставания.

Завершив трапезу, Морфей уткнулся носом в ногу Алефа, оставив на джинсах мокрый след – благодарил хозяина за вкусный ужин. Левия смотрела на эту трогательную картину и думала о том, какие они оба ладные, цельные, сошедшие будто с картинки – Алефа так легко можно было представить прогуливающимся с бумажным стаканчиком кофе и псом на поводке по шумным городским аллеям или уютным тихим улочкам старого центра. Они были земные и близкие – в них ничто не напрягало и не отталкивало, а рядом находиться было комфортно и естественно. С другими всегда было не так. Алеф был из тех, на чьи вопросы хотелось от-

вечать и чьи ответы хотелось слушать не меньше. Напускная участливость, которая сопровождала большую часть бесед в ее мире, здесь уступала место интересу и пониманию. Но все заканчивается. Левия повернулась на притихшего парня – невидящим взглядом он смотрел на костер в центре площади: на его лице бесновались тени и трепетали лоскуты пламени, а щеки впервые заливал румянец. Левия откусила булочку и тоже устремила взгляд к яростному шабашу в канун Дня Всех Святых.

Когда Левия и Алеф возвращались с последнего дня праздника, уже светало. Из-за тумана деревенская дорога превратилась в молочную реку, похожую на Стикс – не хватало только жуткого лодочника с фонарем.

– Плыдем с тобой как два приведения по реке Стикс, – с грустной улыбкой сказала Левия. – Почему у тебя всегда такие мрачные сравнения? – Алеф снова слабо улыбнулся.

– Так сейчас Хэллоуин, самое время.

В клубящемся тумане снова раздавался плач ночных птиц, шорох листьев перекатывался вдоль дороги, а кресты над деревенским кладбищем становились все четче. И дыхание надвигающейся зимы уже пульсировало в земле.

Дом Левии, как и все вокруг, был скрыт туманом и, казалось, парил на фоне кладбища, которое теперь ясно виделось на холме. Ноги наливались свинцом, расставание неумолимо приближалось. Взглянув на унылые, темные окна своего дома, Левия поняла, что не способна прямо сейчас

расстаться с Алефом, что она должна отвоевать у жизни хотя бы еще полчаса, пока на улице окончательно не рассветет.

– Алеф, может зайдешь на чашку кофе? – голос Левии дрожал, поэтому она произнесла это так тихо, что едва можно было слышать ее.

– Конечно, кофе – всегда хорошая идея, – Алеф тоже с трудом произносил слова, его руки обреченно повисли вдоль тела, взгляд потух, а румянец снова исчез с утомленного лица.

В камине потрескивали дрова, уставший Морфей пил воду из тарелочки, которую специально для него поставила Левия. Алеф сидел на диване, поставив кофейную кружку на широкий подлокотник, Левия взяла свой кофе и села рядом. В домике висела тишина, какая бывает перед нежеланным, но неизбежным расставанием.

– Левия, чем ты займешься, когда вернешься домой? Станет ли все как прежде? Как тогда, когда ты села в машину и приехала сюда? – лицо Алефа было как никогда обеспокоенным и серьезным.

Левия отвела взгляд, восстанавливая в память все мысли, которые привели ее сюда две недели назад, в этот дом на краю ночи:

– Нет, не станет. Все изменилось еще тогда, когда я уехала. Теперь я окончательно отдалилась от того, что мне не нужно, потеряла связь с теми, кто мне не дорог – я прежняя осталась с ними. Это все, что мне по-настоящему было необходимо.

Нельзя прожить две жизни одновременно. От одной из них нужно отказаться. И я сделала свой выбор. – После встречи с тобой иначе и быть не могло. Теперь ты заберешь то, что от меня осталось. Что ж тогда послезавтра поедет домой?, – подумала про себя Левия.

– А у тебя какие планы?

Алеф вздохнул:

– У меня какие планы? Вернусь домой и все. Главное, чтобы ты знала, чего хочешь и не возвращалась туда, откуда уехала.

– Я все еще не совсем знаю, чего хочу, но точно знаю, чего не хочу. Спасибо тебе за это.

Алеф снова грустно улыбнулся и протянул руку Левии – горячая, как пяточка его пса, она мягко легла в ладонь девушки. Слезы сдерживать становилось все сложнее.

Когда Левия и Алеф прощались у дома, уже было почти светло.

– Вот и все, – больше не сдерживая слез, сказала Левия.

– Это еще не все, – Алеф притянул девушку и обнял ее так крепко, чтобы хватило на год – до следующей встречи.

1 ноября

Утром первого ноября выпал снег и укутал землю снежной пеленой. В ту ночь Левия не сразу решила лечь спать, после ухода Алефа что-то окончательно переключилось в

ней, болезненно щелкнуло, как будто вывихнутый сустав встал на место. Она все приняла и бунт внутри нее окончательно угас. Прохладное дыхание вечности коснулось ее домика, ее сознания и ее жизни. Наконец, она по-настоящему все поняла, но не испытала ни ужаса, ни потрясения, только покой.

Левия поспала всего пару часов, потом собралась и пошла на кладбище – наступил День всех Святых. К кладбищу стекалось много людей со всей деревни и из города – все непременно с цветами и свечками. Издалека было видно, что кладбище светилось бесконечным множеством праздничных огоньков – люди ставили фонарики со свечами на могилах почивших родственников и просто любимых людей в знак памяти – погост буквально парил в разноцветных огнях.

По дороге на кладбище Левия зашла в цветочный магазин и купила огромный букет белоснежных роз. Снег похрустывал под ботинками, Левия шла медленно, любовно неся роскошные белые цветы, и рассматривала надписи на каждом надгробии, пока не нашла то, что искала. Она спокойно присела на корточки и провела рукой по надгробию, чтобы стереть снежную вуаль с имени почившего:

Алеф М.

23 декабря 1965 – 17 февраля 1997

Левия аккуратно положила белоснежный букет на могилу, еще раз нежно провела рукой по гладкому, холодному камню надгробия, убрала засохшие листья, прикоснулась ладонью к замерзшей земле. В этот момент Левия уже пообещала непременно вернуться сюда в следующем октябре – им еще о многом хотелось поговорить.

– Я вернусь, обязательно вернусь через год... милое, милое привидение...

Вдруг лента на букете роз ослабла, и цветы мягко распались на снегу. Где-то вдали раздавалось затихающее собачье потявкивание, и этот звонкий голосок был совсем как у Морфея, который уходил вместе со своим хозяином.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.